

НАС БЕРУТ НА ИСПУГ

Стратегия правящей группировки на президентских выборах предельно проста и эффективна. Это — стратегия нагнетания страха, антикоммунистической истерии, на волне которой крайне непопулярный президент сначала проходит во второй тур голосами тех, кто его не любит, но боится дробления голосов демократов, а во втором туре побеждает, получив голоса и тех, кто не любит его еще больше и не смог преодолеть этой нелюбви на первом туре. Удобства такой стратегии — очевидны. Если люди убеждены, что зло, с которым ты борешься, есть зло бесконечное и абсолютное, то сам ты уже можешь делать всё, что угодно — любое твоё зло будет относительным и меньшим «по определению». Все, что наделал теперешний президент и что он еще наделает, когда будет переизбран, — мелочи, ибо коммунисты — это ГУЛАГ, Сталин, голод, гражданская война, мировая война, национал-социализм и т. д. и т. п.

Соответствует ли эта схема реальности? Правда ли, что все то очевидное зло, которое принесла нынешняя власть, — меньшее «по определению»? Действительно ли номенклатура, отказавшаяся, как только это стало ей выгодно и безопасно, от своей идеологии, так уж лучше той незначительной части номенклатуры, которая от нее отказалась еще не совсем? Действительно ли «отец русской демократии», расстрелявший Белый дом и сочинивший для себя теперешнюю «бесподобную» Конституцию, лучше, чем коммунисты, собирающиеся расширить права парламента? Действительно ли тысячи убитых этой властью или при ее активном содействии в Чечне, Москве, Осетии и Ингушетии, Абхазии и Таджикистане — мелочи по сравнению с теми гипотетическими сотнями тысяч, которые предстоит убить коммунистам? Лучше ли союз со все более безумным режимом Лукашенко, омовцы которого избивают российских и, между прочим, поддерживающих Ельцина журналистов, чем чисто декларативная денонсация Беловежских соглашений?

Может быть, кто-то из читателей может искренне и уверенно ответить на все эти вопросы «да». У меня лично такой уверенности нет. Я не уверен, что отождествлять зюгановцев со Сталиным и ГУЛАГом, с которыми нельзя было отождествлять даже брежневскую КПСС, — более оправданно и обоснованно, чем, например, отождествлять современный католицизм со Священной инквизицией. И я абсолютно уверен, что, когда бывшие партработники, вышедшие из КПСС и успевшие за прошедшие несколько лет наделать множество грехов, требуют от коммунистов покаяния за преступления, совершенные их дедами шестьдесят лет назад, сами не каюсь ни в чем, — это просто непристойно. Тем не менее стратегия нагнетания страха явно срабатывает, число людей, собирающихся голосовать за Ельцина, растет, и люди, еще недавно казавшиеся вполне приличными, один за другим начинают работать на ельцинскую кампанию. Откуда же этот страх?

Это — очень сложное явление, в котором много компонентов и составляющих. Прежде всего, конечно, есть компонент реалистический. Коммунисты с их немислимой идеологической эклектикой и озлобленностью, если и не так страшны, как их рисует воспаленное воображение, но все же очень плохи. И хотя теперешние рассуждения «демократов», что Зюганов, может быть, сам и не так уж страшен, но его поддерживают жуткие фигуры типа Анпилова и Макашова и

ему придется оплатить их поддержку, имеют, по-моему, не больше оснований, чем рассуждения коммунистов лет пять назад, что не столь плох Ельцин, сколь плохи стоящие за ним и управляющие им Бурбулис и Старовойтова. Ничего хорошего от Зюганова и компании ожидать не приходится. Я убежден, что его приход к власти будет означать новое испытание для нашей демократии, ухудшение экономического положения и ослабление российского государства (хотя, если Ельцин снова получит мандат «всенародного доверия», последствия вряд ли будут лучше). Однако такой прагматически-реалистический компонент — лишь часть нашего страха. Есть и другие, более важные составляющие. Это и «генетический» страх, порожденный травмами нашего прошлого. Пуганая ворона куста боится, а нам в Зюганове мерещится не то Ленин, не то Сталин. Это и проникшая в плоть и кровь чисто коммунистическая особенность сознания — нам нужно иметь какого-либо абсолютно злого противника, в борьбе с которым все средства хороши.

Раньше это были капитализм и «буржуазная идеология», теперь — коммунизм, с которым борются теми же приемами и зачастую — те же самые люди. И, наконец, очень важный компонент — это представление будущего поведения коммунистов по образцу недавнего и теперешнего поведения самих «демократов». В самом деле, демократы, провожавшие в августе 1991 г. улюлюканием и плевками покидавших партийные здания аппаратчиков, имеют основания бояться улюлюкания коммунистов. Те, кто расстреливал Белый дом или аплодировал этому расстрелу, очень естественно полагают, что победившие коммунисты должны вести себя так же или еще хуже. Те, кто хапал государственную собственность, имеют основания бояться, что теперь будут хапать их собственность. Коммунисты, в среднем, не такие образованные и не такие богатые, как «демократы», и клянущиеся не Сахаровым, а Лениным, не обязаны вести себя лучше, чем «демократы». От них вполне оправданно ожидать еще менее порядочного поведения. Общество — единый организм, в нем должна быть более богатая и образованная, ориентированная на индивидуальные права и свободы «правая» и более бедная и ориентированная скорее на перераспределение доходов «левая». Но если у нас такая «правая», то и левая не может быть значительно лучше, ей даже «положено» быть немного хуже. Ельцин и Зюганов — это близнецы-братья, это зеркальные отражения друг друга, и оба они — порождения нашего единого организма, единого сознания, единой культуры. Мы находимся в порочном круге, в котором идиотизм и аморальность одних порождают идиотизм и аморальность других. Можно ли из этого круга выйти?

Это — крайне сложно. Если Ельцин побьет Зюганова или Зюганов Ельцина — мы все равно останемся в этом круге. Но даже победа «третьей силы», в которую я не очень верю (она, по-моему, тает на глазах), проблему не решает. Ибо нужна не победа третьего, а появление нового первого и нового второго, появление новых сил, борющихся друг с другом, но одинаково «пристойных». Нужно изменение всего общества, всего политического спектра — и левой, и правой, которые органически связаны друг с другом. Скоро это произойти не может, для этого нужно время. Что же делать сейчас? Ничего особенного мы сделать не можем. Мы можем только стараться вести себя приличнее. Борьбаться с коммунистами, но без истерического визга и по тем правилам, которые мы сами установили и которые теоретически должны быть для нас высшей ценностью. Не оправдывать любую подлость ссылкой на то, что враг наш — зло абсолютное, не голосовать за тех, кто вызывает у нас отвращение только потому, что их

противники вызывают еще большее. Но что делать, если коммунисты все же придут к власти и устроят «пир победителей»?

Тоже не сходить с ума. Коммунисты сейчас клянутся в верности демократии, и какая-то часть из них, несомненно, клянется искренне. Они никогда не победят подавляющим большинством, которое, несомненно, против реставрации старых порядков. И в этих условиях, если даже Зюганов и компания забудут свои обещания и попытаются «закрутить гайки», от некоммунистического большинства потребуются лишь самые минимальные стойкость, порядочность и усилия, чтобы этого не позволить. Если же и этого минимума нет, то и говорить не о чем. Коммунисты — это некоторая проверка «на вшивость». И если общество, Россия ее выдержат, есть шанс, что наши дети будут выбирать не меньшее из двух зол, а тех, кто им больше нравится. Как выбирают все нормальные люди в нормальных странах, зная, что даже если их кандидат проиграет, ничего страшного не произойдет — демократическое общество будет жить дальше.